

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей Самаров

ЖИЗНЬ
ЗА БРАТА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Жизнь за брата

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Жизнь за брата / С. В. Самаров — «Автор», 2018 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-091412-8

В результате ограбления ювелирного магазина убиты двое охранников. По словам свидетеля, один из них, бывший десантник Евгений, в последний момент узнал главаря нападавших и назвал его по имени... К розыску налетчиков подключается брат Евгения, капитан спецназа ГРУ Дмитрий Довгополов. С риском для жизни он устанавливает, что грабители - не простые отморозки, действующие на удачу. Оказывается, бандиты ищут разгадку одной из тайн последней чеченской войны, к которой был причастен и погибший брат капитана...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091412-8

© Самаров С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Васильевич Самаров

Жизнь за брата

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Самаров С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

В ювелирном магазине все произошло настолько неожиданно, что охранник, стоявший в дверях, никак не успел среагировать, хотя в дополнение к основной работе подрабатывал еще и тренером по спортивным единоборствам и многократно хвастался своей отличной реакцией. Он был в черной униформе, которая ему очень нравилась и была настолько удобной, что охранник даже дома носил такую же, только без надписи «Охрана» на спине.

Второй охранник, тоже в черной униформе, человек уже немолодой, хотя по-спортивному подтянутый и крепкий, находился внутри и шептался о чем-то с продавщицей – крупной высокой девицей с копной ярких рыжих волос на голове, таких неуправляемых и ярких, что девицу можно было сразу отправлять работать клоуном в цирк. Один ее внешний вид мог насмешить людей, уже приготовившихся к смеху.

Подъехала машина, тяжелый большой внедорожник. Остановилась у бордюра по другую сторону тротуара. Вышли трое в такой же черной униформе, как у охранников, но без надписи на спине. И это ничуть не насторожило охранника у дверей. Мало ли кто предпочитает такой же стиль одежды!

Приехавшие разговаривали друг с другом о чем-то отвлеченном, когда поднимались по лестнице на высокое крыльцо. А когда поднялись, раздался выстрел. Охранник, что встретил их, носил короткую прическу и был слегка лысоват. По крайней мере, залысины имел заметные. И из-за этого казалось, что у него большой, высокий и умный лоб. Через этот лоб и вышла пуля. Входное отверстие в затылке было небольшим и аккуратным, а выходное во лбу – крупным, наглядно говорящим о завершении жизненного пути.

А дальше все пошло быстро и стремительно. Пришедшие достали трикотажные шапочки, которые оказались в действительности масками «ночь», торопливо надели их на головы и ворвались в магазин.

– Не суетиться! Стрелять будем! Это ограбление! Лежать всем! На пол! – с заметным кавказским акцентом слегка суетливо закричал первый из нападавших, самый высокий, поводя стволом пистолета из стороны в сторону, словно дополнительно предупреждая двух продавщиц и охранника.

Команда была поспешно выполнена. Обе продавщицы и охранник распластались на полу. Двое других грабителей легко, по-спортивному, перепрыгнули через прилавки, выдвинули витрины и стали сгребать их содержимое в брезентовые мешки, которые достали из-под одежды. Работали быстро и стремительно, причем сгребали только содержимое витрин с самыми дорогими изделиями, словно хорошо знали, что сколько стоит и где что лежит. Так они миновали два сектора витрин с изделиями из серебра, но не прошли мимо платиновых украшений и украшений из модного белого золота. Все ограбление заняло не больше двух минут.

– Уходим! – с тем же кавказским акцентом крикнул первый. Один из его поделников, словно ловкий кузнечик, перепрыгнул назад через прилавок и устремился к выходу. Второй в прыжке зацепился полкой куртки за угол прилавка и сел прямо на стекло витрины, раздавив его. Но это была задержка только на две-три секунды. Неудачник тут же отцепил полу, спрыгнул с витрины и тоже бросился на выход.

– Ларик! – крикнул охранник, лежа на полу.

Высокий бандит обернулся, но не потому, что его позвали, а, скорее, просто на голос и выстрелил охраннику в голову, прибив ее пулей к полу из ламината, словно гвоздь тяжелым молотком вбил. Просто, видимо, по своей культуре человек криков не любил – так это выглядело. И, выходя из магазина, опять же культурно и без стука закрыл за собой дверь. Помнил, похоже, старую истину, что вежливые и культурные люди, даже упав в канализацию, закрывают за собой люк.

Крупная рыжая продавщица, что лежала по другую сторону витрины-прилавка, резко вскочила, обежала прилавок, что на каблуках было сделать сложно, и попыталась поднять голову охранника. Но он уже не дышал. Она бросилась к наружному окну-витрине и успела увидеть, как неторопливо и важно высокий бандит сел за руль внедорожника, где уже сидели его компаньоны, и машина поехала, не привлекая внимания. Не сорвалась с места с пробуксовкой, а поехала важно и спокойно, плавно набирая скорость.

Рыжая продавщица успела разглядеть номер машины и на всякий случай записала его.

Вторая продавщица многократно уже в испуге нажимала ногой «тревожную кнопку», вызывая полицию. Кнопка была расположена под кассовым аппаратом, и чтобы нажать ее, нужно было сесть на стул, что продавщица сразу и сделала. Ноги у нее дрожали, как осенние листья на ветру, угловатые тощие коленки стучали одна о другую так, что было слышно, наверное, на улице. А она все продолжала истерично давить на «тревожную кнопку».

Полиция приехала, как обычно, когда уже никто не стрелял, а бандиты, естественно, скрылись. Это была простая патрульная машина, которой передали с пульта сигнал о нападении. Рыжая продавщица сразу сообщила номер внедорожника, и полицейские тут же передали его своему дежурному.

Дальше было так. Внедорожник засекли на выезде из города. Наряд ДПС потребовал остановиться. Внедорожник требование проигнорировал. Началась погоня. Инспектор, что сидел на пассажирском сиденье справа от водителя, попытался попасть из пистолета в колесо внедорожника. В ответ на три его выстрела прозвучала одна автоматная очередь. Пуля попала в голову второму инспектору, который был за рулем. В результате патрульная машина, удачно не столкнувшись со встречным транспортом, вылетела на газон с противоположной стороны дороги, где оба инспектора получили травмы и ушибы вследствие столкновения с деревом.

А в магазине, куда приехала следственная бригада областного следственного управления Следственного комитета, началась неторопливая рутинная работа. С витрины снимали отпечатки пальцев. Но бандиты, как оказалось, работали в кожаных перчатках, какие можно купить на любом базаре или в магазине промтоваров, и отпечатков как таковых не было. Были найдены две гильзы от пистолета Макарова. Две пули тоже были на месте. Пробив головы охранников, они не смогли улететь далеко – одна вошла в стену на крыльце, вторая попала в ламинат пола. Была надежда по ним идентифицировать ствол, если его характеристики есть в каталоге.

Кавказский акцент высокого бандита позволял сделать определенные выводы, и потому сразу после сообщения в городское управление полиции по адресам различных подозрительных обладателей такого акцента выехало с проверкой несколько групп СОБРа и Росгвардии. При этом никто не подумал, что сам бандит в это время уже из города выехал. Но поиск начался активный.

В магазине, естественно, была изъята запись видеокамеры. Не просто изъята, а сначала просмотрена на месте, на случай возможности использования записи в оперативном поиске по горячим следам.

Вторая камера была установлена на улице на стене. Но там запись по какой-то причине не велась. Вопрос «почему?» был адресован приехавшему хозяину магазина. Хозяин, немолодой и чрезвычайно толстый бизнесмен, сильно удивился, что записи нет. И даже растерялся от удивления:

– Я только вчера перед обедом лично проверял. Камера работала. Как раз, когда товар вчера привезли, я и проверил. Работала...

– А сегодня уже не работает, – сухо констатировал следователь. – По какой причине? Узнайте, сообщала ли об этом охрана обслуживающей фирме.

– Если охрана запись не смотрела, могла и не знать. Могло просто идти на монитор изображение, и все. Подсчитали, милочка?

Вопрос хозяина был обращен к продавщице, которая с целой пачкой накладных ходила вдоль витрины, выясняя убыток, понесенный магазину.

– Приблизительно. Не меньше восьми миллионов...

– Я разорен! – плаксивым стоном сообщил хозяин магазина следователю. – Страхование оформить не успел. Страховой агент обещал сегодня к вечеру прийти. Только вчера товар получил. Брал на него кредит. У меня это вот помещение в качестве залога оформлено. Плюс моя машина... Разорен! Разорен! Что мне теперь прикажете делать?

– Бандитов ловить. Вместе с нами, – коротко посоветовал следователь. – Ничем другим вам помочь я не в состоянии. Что касается разорения, то вот ни я, ни один из моих сотрудников не имеет ювелирного магазина в собственности. И ничего, живем. Временами, кажется, даже неплохо. Время от времени даже хлеб с маслом едим. По крайней мере, не скучаем и не боимся ограбления. И вам того же желаем. Не скучать и жить...

Своим поведением и особенно носом, странно вытянутым, словно хобот, следователь походил на толстокожего слона, которого было трудно прошибить чужими стенаниями...

Глава первая

Я только-только вернулся из командировки на Северный Кавказ, успел оформить положенный мне по закону отпуск, но не успел еще купить билеты на самолет, чтобы улететь с женой и сыном отдыхать на юг, к морю, когда мне позвонили и сообщили, что произошло с братом. Вернее, сначала позвонили домой, жене, а я еще в штабе у себя был и ждал, когда приедет кассир финчасти и привезет из банка деньги, чтобы получить отпускные и «боевые» – доплату к жалованью за полгода командировки, которую во время самой командировки нам не выплачивали – только по завершении.

Домой мне позвонила какая-то женщина, работавшая вместе с моим старшим братом, и сообщила о его гибели на службе. Тогда жена в свою очередь позвонила мне, поскольку кроме меня хоронить брата было некому. Со своей женой брат давно развелся и не поддерживал с ней никаких отношений, даже не знал, где и с кем она живет. Слышал краем уха от общих знакомых, что она вполне благополучно вышла замуж, муж усыновил их ребенка, следовательно, алименты с брата больше не брали, отсюда и его слабая информированность. Надеяться на то, что на похороны приедет бывшая его половина или сын, которому на момент развода с женой не было и года и который своего настоящего отца не помнил, не приходилось. Родители наши давно уже умерли – отец, офицер-десантник, умер от ран через четыре года после вывода войск из Афганистана, а мама только на три года его пережила.

Брат по примеру отца тоже служил в ВДВ. После увольнения в запас в звании подполковника устроился в охранную фирму, где платили немного, но, по крайней мере, регулярно.

Я тоже пошел по стопам отца, только служил не в ВДВ, а командовал разведротой в спецназе ГРУ.

Жена моя не высказала никакого недовольства тем, что срывается обещанная поездка в Сочи. Она у меня человек понимающий. И даже сообщила, что уже заказала по телефону на меня билет самолетом до Самары, где брат жил в последние годы. Я договорился в финчасти, что приду за деньгами в конце дня, и побежал домой. Из дома позвонил женщине, которая сообщила о смерти брата. Так узнал, что тело еще находится в морге судебно-медицинской экспертизы, где эксперты изучают пулевой канал. Брать на себя заботы о похоронах чужого человека женщина явно не собиралась.

– А вы ему кто? – с армейской прямоотой спросил я.

– Никто. Он у нас в магазине охранником работал. Его на моих глазах убили во время ограбления. Я – просто чужой человек. Сочувствующий, грубо говоря. Когда грабители ворвались, мы с ним как раз разговаривали. Он спиной к дверям стоял и потому не сразу понял, что происходит, и оружие не достал. Не успел ничего сделать.

– А охранный фирма похоронами заниматься не собирается? Та фирма, где Евгений работал...

Десятилетняя разница в возрасте еще в детстве заставляла меня звать старшего брата не Женей, а Евгением. Будь я посторонним, я бы еще и отчество добавлял, но, как брат, выбрал себе половинчатое обращение, только из полного имени.

– Вроде не собирается. Только венки, говорят, купили...

– Понял. Я завтра прилечу. Но я город ваш совсем не знаю. Ни разу у вас не был.

– Я завтра выходная. Я вас встречу. Какой рейс? – Я спросил у жены. С ее слов сообщил. – Я встречу. Как я вас узнаю?

– Я в военной форме буду. Капитан. Не думаю, что весь самолет будет набит капитанами спецназа. На всякий случай скажите, как вас узнать?

– Я такая... Высокая, ярко-рыжие волосы. Никакая прическа на голове не держится. Волосы, как проволока...

- Узнаю. В крайнем случае, если не найду, там же позвоню. Номер этот же?
- Да. Запишите на всякий случай.
- Я уже запомнил... Зовут вас, значит, Лариса...

* * *

Так, вместо того, чтобы лететь с семьей в Сочи, я оказался в Самаре.

Самолет совершил посадку в международном аэропорту Курумоч, находящемся, как я узнал еще до вылета от знающих сослуживцев, достаточно далеко от самой Самары, кажется, более чем в тридцати километрах. Но наш начальник штаба батальона майор Рапитонов позвонил своему товарищу из третьей отдельной бригады, что дислоцируется в Самарской области, и тот пообещал приехать меня встретить и даже оказать посильную помощь, если потребуется.

От поселка Рощинский, с места службы, добираться до Курумоча ненамного дальше, чем от Самары. Рапитонов сказал, что разница составляет порядка тридцати-сорока километров, что для любого автомобиля, естественно, не дистанция. Тем более погибший мой брат был офицером ВДВ, пусть и отставным. А спецназ ГРУ и ВДВ считаются почти родственными родами войск, поскольку носят похожую форму одежды.

Говорят, раньше, когда у спецназа ГРУ не было собственного училища, офицерский состав формировался из выпускников Рязанского училища ВДВ. А потом там создали сначала отдельную роту, потом отдельный факультет, из которого впоследствии и выросло отдельное училище спецназа. А при советской власти солдатам спецназа ГРУ вообще не положено было даже знать, где они служат, поскольку официально у нас, как считалось, не существует такого рода войск, как спецназ ГРУ. Солдатам говорили, что они простые десантники. И только в середине афганской войны о спецназе ГРУ заговорили открыто.

С тех пор наш род войск считается элитным. Он даже обрел некоторую популярность среди физически подготовленных призывников. Так, по крайней мере, говорят в военкоматах – призывники сами изъявляют желание служить в спецназе военной разведки. Молодые ребята рвутся испытать себя и получить определенные боевые навыки, которые в современной нам сложной и противоречивой жизни могут оказаться востребованными.

Весь мой багаж уместился в сравнительно небольшой армейский рюкзак. Я не видел необходимости брать с собой много вещей, поскольку не намеревался задерживаться в Самаре дольше необходимого. Оружия я с собой не вез, хотя имею наградной пистолет с правом ношения. Но я не намеревался вместо брата становиться охранником ювелирного магазина, и на похоронах мне пистолет, как я считал, был не нужен. Значит, без багажа и без оружия я был свободен сразу же после высадки¹.

Сам аэропорт Курумоч мне понравился больше московских международных аэропортов и красотой, и удобством, и особенно чистотой, что Москве в целом не свойственно. Выход из самолета осуществлялся по раздвижной галерее, как в аэропорту Хитроу в Лондоне, где я, еще в бытность свою командиром взвода, высаживался для участия в совместных антитеррористических учениях. Проходить в Курумоче таможенный контроль у меня необходимости не было, поскольку я летел внутренним рейсом.

Таким образом я имел возможность сразу же, как только дошел до зала для встречающих, начать искать глазами высокую рыжеволосую женщину и офицера спецназа, который должен был меня встретить, согласно предложению майора Рапитонова.

Седого не по возрасту майора я увидел не сразу, наверное, потому, что роста он был небольшого и стоял позади других встречающих, наблюдая за пассажирами со стороны.

¹ Согласно Положению о перевозке оружия на воздушных судах пассажир обязан сдать оружие экипажу самолета и только по прилете получить его обратно.

А вот ярко-рыжую копну непослушных волос я сразу выделил в толпе. Женщина была, пожалуй, на полголовы выше своего спутника, который тоже меня, как я догадался, встречал. Это был капитан в синем мундире, какие носят офицеры юстиции – прокуроры и следователи Следственного комитета.

У капитана была заметная, слегка смешная внешность. Он являлся носителем забавного носа, отдаленно напоминающего хобот слона.

О том, что с ней будет такой спутник, Лариса во время телефонного разговора меня не предупредила. Подозреваю, что она и сама об этом не знала. Капитан, видимо, решил присоединиться к ней в последний момент.

Внешне мы со старшим братом были мало похожи. Видимо, сказывалась десятилетняя разница в возрасте. Тем не менее рыжеволосая Лариса меня как-то вычислила и шагнула навстречу. Наверное, потому, что я был единственным офицером в военной форме, что прилетел этим рейсом. Трое солдат и один старший сержант среди пассажиров в счет, естественно, не шли.

Капитан, ее спутник, шагнул следом за Ларисой. И только после них из толпы встречающих вышел седой армейский майор.

– Дмитрий Алексеевич? – спросила Лариса осторожно, словно еще сомневалась.

– Капитан Довгополов, – представился я, пожал руку ей и капитану в синем мундире, который представился встречно:

– Капитан Юровских, следственный отдел Следственного управления области.

Тут же представился и майор спецназа, уже оказавшийся рядом:

– Майор Саврентьев, начальник штаба второго батальона третьей гвардейской бригады спецназа ГРУ. Майор Рапитонов просил тебя, капитан, встретить и, если будет необходимость, оказать любую помощь. И я сам, и офицеры моего батальона готовы помочь, когда потребуется.

– Да, товарищ майор, я в курсе...

Из аэропорта мы поехали на машине капитана Юровских. «Уазик» с военными номерами ехал за нами следом.

Капитан юстиции вручил мне ключи от квартиры брата и повез, как и предупредил, не устраивая экскурсии по городу, сразу туда.

Большой многоквартирный дом. Второй этаж. Видимо, в самой квартире Юровских со своей братией уже бывал, о чем говорил некоторый беспорядок в обеих комнатах и на кухне – это то, что я сразу отметил. Очевидно, следы что-то искали. Но такая уж у них работа.

– Нашли в квартире что-нибудь? – спросил я напрямую.

Капитан весьма неуверенно пожал плечами и даже поморщился:

– Ничего интересного. Компьютер наши специалисты еще исследуют, завтра вернут, я думаю. Но там, похоже, ничего нет. Оружейный сейф тоже у нас, но это отдельная история. А что, заметно здесь наше присутствие? Я просил свою команду вести себя предельно аккуратно. Мне кажется, ребята не сильно «наследили».

– Беда в том, что мой брат был известным аккуратистом, почти больным человеком в этом жизненном вопросе, который казался ему абсолютно и безусловно важным. Евгений утверждал, что если вокруг человека порядок, то такой же порядок у него и в мыслях. Он потому не смог и с женой ужиться, что любил во всем порядок и не переносил, когда что-то лежит не на своем месте. Тем более не мог видеть что-то валяющееся. Это у него от армейской казармы идет. Он, помнится, когда ко мне приезжал, жену мою прямо изводил своей страстью к аккуратности и порядку.

– Хорошее человеческое качество, – заметил вошедший в квартиру майор Саврентьев. – И важное, на мой взгляд...

– А что, разве здесь сейчас беспорядок? – искренне удивился капитан юстиции.

– По большому счету – да, – констатировал я почти безжалостно и даже представил себе, какой же беспорядок может быть в квартире самого капитана юстиции.

– Евгений Алексеевич и на работе всегда за порядком следил, – сказала Лариса. – Просто не мог мимо пройти, когда что-то не так было.

– Как же он тогда не заметил, что уличная камера не ведет запись? – Капитан Юровских ловко перевел разговор на нужную тему.

– Как это не заметил?! Заметил и даже звонил хозяину! Это при мне было. Я видела и слышала.

– А почему сразу хозяину, а не в обслуживающую фирму? И почему хозяин сказал, что проверял камеру?

Лариса слегка, как мне показалось, смутилась, но все же объяснила:

– Он проверял за день до этого. Когда товар ждали. У нас всеми камерами слежения занимается фирма, принадлежащая младшему брату Михаила Мироновича, и потому все вопросы напрямую через хозяина решаются. Братьям легче, видимо, договориться.

– А вот этого я не знал... Михаил Миронович мне ни слова не сказал ни о сломанной камере, ни о брате. Удивился только. Говорит, что накануне сам камеры проверял, запись шла. Но про звонок ничего не сообщил. Это интересный факт.

– Может, просто забыл. Он у нас такой, многое забывает... – вступилась за хозяина продавщица.

– Лариса, не в службу, а в дружбу, – попросил следователь, – заварите, пожалуйста, свежий чай. Я у входной двери пакет оставил. Там неначатая пачка хорошего английского чая. В подарок из Англии привезли. Не вороватого московского развеса, хотя упаковка невзрачная. Но чай в самом деле очень хороший, настоящий, какой сами англичане пьют. Мы чайку попьем и поговорим с мужчинами. У них ко мне, наверное, вопросы будут.

– Будут, – согласился я. – По поводу результатов следствия.

– А какие могут быть результаты? Все случилось только вчера. О результатах говорить рано. Если по горячим следам не задержали, то не скоро получится.

– Это то самое, что по телевидению показывали? – поинтересовался майор Саврентьев. – Как ювелирную лавку грабили?

– Да, мы дали на областное телевидение запись с внутренней камеры. Только это не ювелирная лавка, а солидный ювелирный магазин, по товарообороту один из крупнейших в городе. Весьма, надо сказать, солидный. Там по телевидению еще погоню показывали, когда инспектора ДПС ранили. Вы смотрели, товарищ майор?

– Смотрел. Мне понравилось, признаюсь, как хладнокровно вели себя бандиты. И не понравилось, как перепуганы были инспекторы ДПС. Их видеозапись тоже по телевидению прокручивали. А бандиты действовали выверенно, без волнения, с настоящим боевым хладнокровием. Сначала они никак не показывали свои намерения. И действовать стали по какой-то команде.

– А где вы видели, как они начали действовать? – Капитан юстиции спросил быстро, с откровенной подозрительностью, и при этом зашмыгал носом-«хоботом», словно принохивался. – Они же начали действовать еще до того, как в магазин вошли.

Майор слегка смутился, но все же ответил внятно:

– Внутренняя камера установлена против большой уличной витрины и стеклянной двери. У меня большой телевизор. Там изображение крупное. Было видно, как они по крыльцу поднимаются и о чем-то говорят. Один при этом сильно жестикулировал. Возможно, намеренно, чтобы внимание охранника на крыльце отвлечь. А потом и началось – застрелили того, первого охранника, когда он опасности не ждал, надели маски и ворвались в магазин... Запись, как я понимаю, у вас. Лица идентифицировать вам не удалось?

– К сожалению... При укрупнении лица расплываются на квадратные пиксели. Идентификации такие лица обычно не подлежат. А с расстояния, да еще через стекло, лиц не разглядеть. И в самом магазине никто из них маску не снял и перед камерой не сплясал.

– А машина, на которой они уехали? – спросил я. – Лариса же номер запомнила.

– Номера принадлежат совершенно другой машине. Сняты в гараже в Чапаевске. Хозяин машины умер две недели назад. Наши сотрудники навестили семью умершего. Проверили. Гараж оказался вскрытым. Номера пропали, хотя машина на месте.

– Инспектора ДПС стреляли по машине. Пробоины должны быть... Искали, кто в ремонт обратится?

Следователь даже фыркнул возмущенно:

– Не первый день работаем. Конечно, искали. Инспектор, который стрелял, уверяет, что первая пуля ушла в асфальт, а вторая и третья пробили заднюю дверцу внедорожника. Такую машину и искали. Даже по частным мастерским прошлись. По всей области. Никакого следа. Правда, в одном магазине автозапчастей заднюю дверцу заказывали. Но заказывали за три дня до нападения на магазин. Тем не менее мы машину проверили. Там не пулевые пробоины, а просто ржавчина краску проела вокруг дверной ручки. А машина такая же, такого же цвета.

– А какая машина была?

– Этим вопросом не я занимаюсь. Офицер из моей бригады. Потому я могу что-то передать неверно. Внедорожник – это точно. Кажется, «Шевроле Тахо». Но я в машинах плохо разбираюсь, потому могу напутать.

– Чай готов, мужчины, – позвала нас в это время на кухню Лариса.

Я, честно говоря, пить хотел еще в аэропорту, сразу после приземления. Но там сначала было не до того – я искал тех, кто меня встречает, а потом уже и забыл о своем желании. Сейчас вспомнил и потому двинулся на кухню первым. Остальные – за мной.

Расселись на кухне за небольшим столиком. Я сел в углу. Мне почему-то показалось, что именно в этом месте обычно сидел мой старший брат. У него, офицера ВДВ, прошедшего две чеченские войны, должны превалировать те же чувства, что и у офицера спецназа. Место в углу закрывалось с двух сторон, эти стороны были безопасными. Может быть, что-то я о брате думал не правильно или не совсем правильно, тем не менее эти мысли как-то сближали меня с ним, хотя сильно близки мы никогда не были – сказывалась разница в возрасте. Братья, у которых небольшая разница в возрасте, обычно бывают товарищами по детским играм. А во времена моих детских игр Евгений уже школу закончил и был курсантом военного училища. И я играл со своими товарищами, но не с братом. И при всем при этом по крови он оставался моим ближайшим родственником. Не отдаленным, а именно ближайшим. Так я к нему всегда относился.

– Есть в этом деле еще одна интересная деталь... – заметил, сделав два глотка, следователь Юровских, после чего потрогал свой нос. Мне подумалось, что он так просит его не лезть в чашку и не мешать ему чай пить. Тем более чай был в самом деле вкусным и ароматным. – Меня интересует необходимость выстрела в Евгения Алексеевича. Зачем? Какая была необходимость в этом убийстве? Оружия охранник не доставал. Да и был у него с собой только травматический пистолет «Оса». Убить он, конечно, способен, но только с близкого расстояния или при выстреле в голову. Но стрелок должен знать, куда следует стрелять и как стрелять.

– Евгений был отличным стрелком из пистолета, – заметил я, зная, что говорю.

– Вот к тому я и веду разговор. Значит, бандиты знали, с кем имеют дело? И потому посчитали необходимым этот выстрел сделать. Опасались то есть. Они уже убили одного охранника. Но это понятно. В первом случае они не желали оставлять его у себя за спиной. У охранника тоже был при себе пистолет «Оса». И он мог бы стрелять сзади. На нападавших, судя по видеозаписи, не было бронежилетов. По крайней мере, в момент нападения не было...

– Я бы не говорил так уверенно, – не согласился майор Саврентьев, который видел видеозапись нападения по телевидению. – Они могли иметь бронежилеты скрытого ношения, вплоть до третьего номера. Такой бронежилет незаметен под одеждой и в то же время отлично держит пулю. Ребра эта пуля, может быть, и ломает, но саму пулю в тело бронежилет не пропустит. Пуля в таких жилетах зажимается арамидным волокном, которое мы все знаем под иностранным названием «кевлара». И вообще охранника с порога под стволом пистолета проще было бы затолкать в магазин и положить на пол, обезоружив. Это уже другая уголовная статья, менее тяжкая.

– Это еще и совсем иная тема разговора, – напомнил следователь. – А меня сейчас интересует другой вопрос. Почему был произведен выстрел в подполковника Довгополова? Какая была у бандита насущная необходимость убирать именно Евгения Алексеевича, но оставлять в живых еще двоих свидетелей – продавщиц магазина? В частности, ту же самую Ларису, которая угощает нас сейчас чаем. В каком случае могла бы возникнуть необходимость именно в таком выстреле? Ваше мнение, товарищи офицеры?

– Необходимость может быть только одна, – сделал свой вывод Саврентьев. – Евгений Алексеевич узнал кого-то из нападавших. И назвал его. Возможно, по фамилии, возможно, по прозвищу. На прозвище это больше походит.

– Я соглашусь с товарищем майором, – я кивнул.

Капитан юстиции вытащил из кармана трубку смартфона, пальцем дважды ударил по какой-то иконке, потом ударил еще раз и повернул к нам экран.

– Это видеозапись происшествия. Посмотрите, может, вы кого-то узнаете по фигуре или по манере поведения. Впрочем, товарищ майор не должен знать друзей и знакомых Евгения Алексеевича. Но, может быть, Дмитрий Алексеевич нам поможет.

– Современных друзей и я не знаю. У него мало было друзей. Но посмотрю...

Я смотрел внимательно и напряженно. Это же были последние минуты жизни моего родного старшего брата. И последний выстрел ему в голову доставил мне настоящую физическую боль. Меня удивило то, что брат не сумел среагировать и сместиться. Он легко мог бы перекатиться за стойку прилавка, когда бандит театрально-медленно поднимал пистолет. Но кто знает, как бы повел себя в этом случае бандит. Он мог бы и в продавщицу выстрелить. Кроме того, если Лариса распласталась на полу, то вторая продавщица сидела за кассой. Кассу бандиты не тронули. При той добыче, что им досталась, касса для них интереса не представляла.

Но все же, чем был спровоцирован выстрел? Изначально думалось, что высокий бандит с кавказским акцентом не планирует никого убивать. Он даже развернулся, чтобы к выходу двинуться. Это был самый подходящий момент, чтобы брату перекатиться за стойку витрины, сесть и выхватить свой пистолет. И пусть это пистолет только травматический. «Оса», насколько мне известно, может наносить тяжелые травмы на дистанции до десяти метров. А до бандита было чуть больше четырех. При этом два других бандита уже покинули помещение. Евгений мог бы успеть пустить пулю высокому в голову.

Но он не стал перекатываться. Не стал пистолет выхватывать. Почему? Опасался, что в случае промаха бандит выстрелит в продавщицу за кассой? Это был один из возможных вариантов.

Но был еще один момент. Брат громко крикнул перед тем, как в него выстрелили: «Ларик!»

Кого он так назвал? Первая мысль, что он позвал продавщицу Ларису, с которой разговаривал прямо перед ограблением. Но та же Лариса, когда звонила мне домой, говорила, что она только работает вместе с Евгением и больше их ничто не связывает. Мог ли он назвать ее так? Не в привычках брата было звать постороннюю женщину ласкательно-уменьшительным именем...

Глава вторая

– Лариса, как вас обычно звал Евгений Алексеевич? – спросил я.

– По имени. Просто Лариса, без отчества. Да он моего отчества и не знал, мне кажется. По крайней мере, никогда у меня не спрашивал и посторонние при нем никогда меня по имени-отчеству не называли. – Она на несколько секунд задумалась. – Да, всегда только по имени.

– А на работе вас как называют? Или дома?

– На работе чаще всего по имени. Дом у меня далеко, я приезжая. Дома меня все обычно звали Лора или Лара.

– Не Ларик? – переспросил я.

– Ну, бывало иногда, что и так. Еще в школе – и Лорик, и Ларик. Но если вы спрашиваете про своего брата, то он меня никогда так не называл. И вообще тогда, перед выстрелом, он не ко мне обращался. Он не видел меня. Я по другую сторону прилавка лежала. Иногда думаю, хорошо бы он по другую сторону прилавка оказался, но только при условии, чтобы в меня никто не стрелял...

– А почему вы считаете, что это было бы хорошо? – спросил капитан юстиции, теребя свой длинный, как хобот, нос.

– Ну, тогда бы его не видели и стрелять в него не стали бы. А сам он мог бы свой пистолет достать и открыть огонь. Я, когда там, на полу за прилавком лежала, жалела, что у меня пистолета нет.

– Да, – обратился я к следователю. – Кстати, насколько мне известно, у Евгения Алексеевича был наградной пистолет за участие во второй чеченской кампании. Где этот пистолет сейчас?

– В кармане Евгения Алексеевича была связка ключей, которую я вам отдал. Мне связку передали из лаборатории судебно-медицинской экспертизы. Там, на связке, есть ключ от оружейного ящика, который обычно называют «оружейным сейфом». Сам ящик в опечатанном виде в настоящее время находится у нас в следственном управлении. Мы его не вскрывали. Сразу опечатали и увезли – не хотели взламывать замок, а ключей тогда у нас еще не было. Оружие, вероятно, хранится там, как и положено. Евгений Алексеевич любил порядок во всем, и если положено держать оружие в сейфе, думаю, он там его и держал. Если сегодня во второй половине дня найдете время и позвоните мне, я пришлю за вами машину, мы в вашем присутствии оружейный ящик вскроем и просмотрим его содержимое. Если вы с дороги устали, то можно это перенести на завтра.

– Номер телефона назовите, – попросил я, имея привычку легко запоминать телефонные номера.

Следователь вместо этого положил на стол передо мной свою визитную карточку.

Но тут его смартфон, который так и оставался лежать на столе, хотя видеосюжет уже давно закончился, зазвонил какой-то бравурной маршевой мелодией, заменяющей классический телефонный звонок, и высветился определитель номера. Юровских посмотрел на определитель, резко схватил трубку и сразу ответил, показывая, что трепетно относится к обращениям своего руководства:

– Капитан Юровских. Слушаю вас, товарищ подполковник. Так... Так точно... Нет-нет, без меня никак невозможно, я сейчас же выезжаю. Да, конечно, товарищ подполковник. Это абсолютно точно – мое дело. Да, сам поеду. А лучше пусть бригада едет, а я туда прибуду самостоятельно. Мое мнение, что кто-то пытается нам в городе реальный хоррор² устроить. Разго-

² Хоррор – как правило, жанр в кино или в литературе, произведение с элементами психического воздействия на зрителя или читателя. Такие произведения призваны напугать зрителя или читателя, вселить в него чувство страха и непроходящей

воров теперь в народе будет... Еду туда. Только адрес назовите... Да, я сейчас недалеко нахожусь. Буду там через три минуты. Максимум пять. Быстрее бригады доберусь. Я управлюсь...

Он убрал трубку в карман кителя и посмотрел на всех нас сверху вниз, но не потому, что имел высокий рост, скорее, капитан был чуть ниже среднего, а только потому, что он стоял, а мы сидели:

– Извините... Точно такое же ограбление ломбарда. Там был один охранник. Тоже застрелили – пуля в голову. Опять трое в черном на черном внедорожнике. Опять высокий, с кавказским акцентом. Деньги снова не взяли. Только драгоценности. Два прилавка обчистили. Примерно на два с половиной миллиона. Но это дело серьезное. Серьезнее, чем в первый раз. Боюсь, грабители по незнанию влипли. Или они просто залетные³. Дело в том, что этот ломбард принадлежит серьезному уголовному авторитету, сейчас заседающему в областной Думе. Имеет возможность надавить с двух сторон. Нас, естественно, подгонят. Мой начальник отдела уже рвет и мечет. А если на бандитов еще и уголовники наедут, они нигде сбыть драгоценности не смогут. По всей стране их отлавливать будут. Ладно. Я поехал, а вы тут чайком можете побаловаться.

– Я позвоню после обеда, – пообещал я. – А вы мне эту запись... видео с последними минутами жизни моего брата – не сможете на трубку скачать?

– Как приедете – сделаем...

– Извините, я только что вспомнила, – вмешалась Лариса. – Сразу после ограбления в салоне чем-то сильно запахло. Я не могу сейчас точно сказать, чем, но это был запах от того высокого бандита, что стрелял. Сам он ушел, а после него запах остался.

– Думайте, вспоминайте, что за запах. Может, чеснок?

– Нет, что-то не такое резкое, но тоже неприятное.

– Если вспомните – сразу сообщайте, – потребовал следователь. – Это важно.

Капитан Юровских двумя пальцами потрогал кончик носа и стремительно понесся к двери, на ходу вытаскивая ключи от машины, словно она ждала его прямо на лестничной площадке...

* * *

Никто из нас даже к окну не подошел, чтобы посмотреть, как отъезжает от дома капитан Юровских. Если бы за окном стреляли, мы бы, конечно, посмотрели вместе с майором. Просто, скорее всего, удовлетворили бы свое любопытство. В этом любопытстве профессия виновата – приказывает всегда активно реагировать на выстрелы, где бы они ни звучали. А так, без стрельбы – поехал и пусть себе едет. Нас это мало касалось. У него своя работа.

А у нас с майором Саврентьевым были заботы совсем о другом человеке. Лариса тоже жила еще воспоминаниями той опасности, которой она совсем недавно подверглась. Для любой женщины это тяжелое переживание. Да пожалуй, и для многих мужчины тоже. И хотя постоянный возврат к таким воспоминаниям любому нормальному человеку грозит нервным срывом, заставить человека не возвращаться – невозможно. Только сам человек в состоянии свои мысли контролировать, а усилия со стороны всегда будут иметь обратные последствия и послужат только толчком к воспоминаниям.

А капитан юстиции нас всех мог интересовать только как участник розыскных мероприятий, которые нас только боком могли касаться. Конечно, они интересовали нас, как всякого

тревоги, создать нервную напряженную атмосферу ужаса или мучительного ожидания чего-либо ужасного. Часто хоррор связан с мистическим навязыванием сюжетов о зомби или вампирах. Типичным примером хоррора являются книги Стивена Кинга. В последнее время понятие хоррор часто трактуется как составляющая часть террора, и носят они одинаковые цели.

³ «Залетные» (уголовный жаргон) – не местные, не знающие и не признающие местных правил и авторитетов.

нормального человека интересует вопрос восстановления справедливости и наказания виновных.

Чай, привезенный капитаном Юровских, был в самом деле не похож на те напитки, что под видом английского чая мы покупаем в магазинах. Но пить его весь остаток дня у нас желания не было. Я вообще предпочитаю потреблять минимум жидкости и приучил свой организм быстро насыщаться несколькими глотками. Майор Саврентьев, как опытный спецназовец, скорее всего, тоже. Продавщица ювелирного магазина Лариса вообще, похоже, пристрастия к чаю не питала и налила себе только половину чашки, которую осилила с трудом. После чего сказала:

– Если я вам больше не нужна, я поеду к себе. Мне еще уборку дома нужно сделать. Завтра хозяйка квартиры за оплатой придет – мы с подружкой вдвоем квартиру снимаем. Уборку по очереди делаем. Сейчас – моя очередь.

– Можете ехать. Только адрес магазина на всякий случай скажите.

Она назвала адрес, я повторил и запомнил.

Лариса ушла. До двери ее никто не проводил, да она и не просила. И это не было элементом невежливости, просто состояние духа у нас было такое подавленное, и Лариса, сама находясь в подобном же состоянии, это тонко чувствовала.

– Зачем тебе адрес магазина, капитан? – спросил майор Саврентьев. – Хочешь вести собственное расследование? Как в кино с Ван Даммом...

– У меня, товарищ майор, нет причин не доверять капитану Юровских, – ответил я. – Кроме того, у меня другая специализация. Я не имею следственных полномочий и не вижу необходимости их получать.

– Тогда я просто не знаю, чем тебе можно сейчас помочь. Если я не нужен, может, и я к себе поеду? В батальоне дел всегда уйма. Номер запоминай. – Он назвал номер сотового телефона, я повторил и запомнил. – Нужно будет машину или еще что-то – звони, я выделю. И вообще – на любую помощь рассчитывай.

– Спасибо, товарищ майор. – Я встал, чтобы проводить старшего офицера.

* * *

Проведя в одиночестве около часа, измерив шагами всю квартиру брата, я вышел, закрыв дверь на ключ из связки, переданной мне капитаном Юровских.

Я решил прогуляться по улицам и посмотреть на совершенно незнакомый мне город. Я по природе своей человек любопытный и потому все новое обычно всегда узнаю с охотой. Однако сейчас настроение было неважным, и я сам себе удивился – настолько неинтересно проходило мое знакомство с одним из самых крупных городов России, к тому же городом достаточно красивым.

Квартира брата располагалась в старой части города, которую совсем старой назвать язык не поворачивался. Большинство старых домов здесь были снесены, взамен их построены современные многоэтажные дома, в одном из которых и находилась квартира брата.

Но стоило пройти пару кварталов, и я оказался на улицах еще, судя по всему, дореволюционной постройки. Такой город был мне больше по душе, но внутреннее состояние невосвратности потери мешало ощущать Самару такой, какая она есть.

В голове постоянно свербила одна мысль, что Евгений гулял по этим улицам, не зная еще, что с ним произойдет, даже не думая об этом. Наверное, планы какие-то строил на будущее, а я об этих планах ничего не знал и даже не подозревал. Иначе попробовал бы воплотить в жизнь хотя бы то, что можно было воплотить уже без него.

Так, блуждая бесцельно по улицам старого города, я случайно набрел на небольшое кафе на улице Льва Толстого, пообедал там, после чего отправился в квартиру брата. После обеда думал слегка вздремнуть, чтобы успокоить нервы, но уснуть не смог, а приказывать себе уснуть,

как делал это в боевых командировках, не стал. Не посчитал необходимым. Провалившись без сна около часа, я поднялся и позвонил капитану Юровских, помня, что мы договорились с ним встретиться.

– Слушаю, капитан Юровских...

– Капитан Довгополов. Я готов к вам подъехать, если необходимость еще не отпала.

– Я сейчас в дороге, к себе в управление возвращаюсь. Через пять минут буду на месте и сразу, не заходя в кабинет, пошлю за вами, Дмитрий Алексеевич, дежурную машину. Водитель к вам поднимется. Можете не выходить раньше времени и не встречать. Мы при вас вскроем сейф, опишем содержимое, оформим изъятие пистолета, после чего сейф загрузят в машину вместе с компьютером и отвезут вам.

– Еще, товарищ капитан: что там с телом брата?

– Пулю извлекли не из головы, а из напольного покрытия. Пуля, в отличие от первой, повреждена не сильно. Она сейчас на экспертизе. Тело передадут в морг, скорее всего, завтра вечером. Через день-два, согласно порядку, можно забрать до двенадцати часов дня. Машину сами будете заказывать или воспользуетесь услугами похоронного бюро? У них же можно заказать и гроб, и венки, и могилу, и все похоронные процедуры. Они даже оформление всей документации могут взять на себя, вплоть до поиска наследников. Естественно, не бесплатно.

– Это реально? Там все нормально сделают?

– Пока я не слышал, чтобы были нарекания в их адрес. Хотя было как-то раз... Неприятная неувязка. Женщина в больницу попала с переломом пальца на руке. Ее собственная собака укусила, когда женщина ее в ванной мыть начала – был сложный открытый перелом мизинца. И похоронная команда к женщине домой пожаловала как к умершей. Медсестра в больнице перепутала данные. Не из той строчки информацию переписала. Дома все были в шоке. С переломом мизинца – умерла! Ошибка выяснилась быстро. Был скандал. Но это случилось около двух лет назад. Потом никаких нареканий не было.

– Ладно. Время разобраться будет... А свидетельство о смерти кто выписывает?

Вопрос этот, видимо, звучал часто, и капитан ответил без задержки:

– В морге выпишут справку. С ней идете в районный ЗАГС Железнодорожного района вместе с документами Евгения Алексеевича. Там примут у вас паспорт и свидетельство оформят. Все, я подъехал к своему управлению. Ждите машину. Это будет микроавтобус «Газель». Да, сейчас машина свободна. Вижу, стоит у крыльца, водитель, как обычно, спит на своем месте за рулем.

– Надеюсь, во время движения он не спит? – поинтересовался я.

– Водитель безаварийный. В возрасте, спокойный, не суетливый и не «шумахер». Ждите. – Он отключился от разговора.

Мне только и оставалось, что ждать. Но полчаса ожидания я перенес даже без ворчания. А через полчаса, когда я уже намеревался начать про себя выражать недовольство, раздался звонок в дверь. Я открыл. И каким-то чутьем определил в пришедшем водителя.

– Дмитрий Алексеевич? – заглянув в бумажку, спросил водитель. Мог бы, кстати, заглянуть и до того, как позвонит.

– Он самый.

– Машина за вами. Из следственного управления Следственного комитета. Едем?

– Подождите меня в машине. Сейчас спущусь.

Пожилой водитель оказался дисциплинированным: развернулся и пошел вниз по лестнице. Я проводил его взглядом, еще раз прошелся по квартире, после чего обулся, зашел на кухню и посмотрел в окно.

Водитель сел за руль черной «Газели» с красной широкой полосой по всей длине кузова. На этой полосе белыми буквами было написано «Следственный комитет». Это наблюдение вовсе не было наблюдением подозрительного офицера спецназа военной разведки, это была

просто привычка, поскольку мне здесь опасаться было нечего. Но привычки хорошо работали в зоне боевых действий, и укрощать их отказом я не собирался, чтобы привычки не исчезли совсем.

Движение в таком большом городе, как Самара, оказалось не слишком плотным. По крайней мере, не таким, как я ожидал. Доехали мы без проблем и быстро. Но, может быть, мы так попали по времени, что движение было спокойным, может быть, ширина улиц сказывалась, хотя в старой части города, откуда мы сначала выезжали, улицы были узкие. Но о дорожной ситуации пока еще я не мог сказать ничего конкретного. Слишком коротко было мое знакомство с Самарой.

Здание Следственного комитета я определил издали. Видимо, в разных регионах такие здания строились или по нескольким типовым проектам, или, по крайней мере, проектам, выполненным одной группой архитекторов под одним общим руководством. В чем-то они походили одно на другое стилистически. По крайней мере, цветом – слишком много серого камня и темного тонированного стекла. Обязательное крыльцо и застекленные двери позади квадратных колонн, хотя кое-где колонны могут отсутствовать, а двери могут оказаться полностью стеклянными.

Правда, я видел всего несколько Следственных комитетов в разных городах – чаще других приходилось навещать это заведение в Махачкале, чуть меньше – в Грозном. Но по двум-трем зданиям сделать обобщающий вывод я бы не решился. Однако мне доводилось видеть здания Следственных комитетов еще в нескольких городах, случайно проезжая мимо, и все они были неувовимо схожи между собой. Кстати, здания Прокуратуры, похоже, проектировала та же сама группа архитекторов. Стилистическое единство прослеживается очевидно.

Машина остановилась на стоянке перед металлической решеткой, закрывающей проход на крыльцо. Я сразу нашел глазами машину капитана юстиции Юровских, стоящую среди других. Номер я запомнил с первого раза еще в аэропорту Курумоч, когда мы в эту машину сядились. Машина здесь, значит, капитан ждет меня.

– Бюро пропусков у вас где? – спросил я водителя, намереваясь соблюдать правила, которые, как я считал, должны быть обязательны для всех режимных учреждений.

– Дежурный по управлению сам выписывает. Там, у дежурного, вас встретить должны. Сам капитан Хобот... Извините... Капитан Юровских то есть...

Значит, не я один заметил сходство носа капитана с хоботом слона. Это утешало, хотя я не сказал бы, что радовало. Радуеться обычно тогда, когда видишь, что другие не замечают.

За дверями стоял сержант полиции и проверял пропуска.

– Меня должны встретить, – сообщил я, останавливаясь. – Капитан Юровских...

– Пройдите к дежурному, – предложил сержант, который был уже, видимо, в курсе. – А вон, кстати, и сам капитан...

Капитан Юровских спускался по короткой лестнице от стойки дежурного с бумажкой в руках. Сунул бумажку постовому, тот даже не спросил у меня документ для подтверждения личности и посторонился, пропуская.

Капитан юстиции пожал мне руку, словно мы давно с ним не виделись.

– Машина на стоянке? – спросил для проформы, но ответа дожидаться не стал. – Пройдемте по лестнице. В лифт всегда очередь. Нам не высоко, только третий этаж. Годы наши пока молодые – как-нибудь дойдем.

Он шагнул через ступеньку и по два раза на каждом пролете оглядывался, проверяя, не отстаю ли я. Но командира роты спецназа ГРУ трудно заставить отстать от следователя даже силой. У нас значительная разница в физической подготовке. Даже если бы пришлось прорываться по лестнице с боем, я, при желании, все равно опередил бы капитана юстиции. Так, я заметил, что уже на последнем пролете лестницы перед третьим этажом капитан стал задыхаться, тогда как я еще даже нагрузки для своих легких не ощутил.

Юровских провел меня в свой кабинет. Уселся за стол, позвонил, назвал себя и задал только один вопрос:

– Привезли?

Ответ, как я понял по недовольному шевелению хобота, был отрицательным. Капитан положил трубку и объяснил мне:

– Обыск в квартире Евгения Алексеевича проводился по всем правилам – в присутствии понятых. Тогда у нас еще не было на руках ключей от оружейного сейфа. Мы даже дверной замок открывали с помощью подбора ключей и потому сейф решили опечатать – к нему ключ подобрать сложно, а отмычек у нас не было, да и специалиста не было, кто умеет с отмычками работать. На бумажной печати под слоем клея поставлены две подписи понятых. Вскрывать будем в их присутствии, чтобы понятые убедились в целостности печати и поставили согласную подпись в протоколе осмотра. Машину за понятыми уже выслали. Вот-вот приедут. Понятых двое – мужчина и женщина. Мужчину уже нашли, а женщина в магазин пошла. Ее рядом с домом ждут. Давайте пока вашу трубку, я отнесу специалистам, чтобы вам закачали на нее видеосюжет из ювелирного магазина.

Я вытащил из кармана свой смартфон и достал USB-кабель, который взял на всякий случай, если у следователей не окажется подходящего.

– Так у вас смартфон... На него я сам со своего компьютера закачаю, – обрадовался Юровских. – Я думал – простая трубка, там сложнее, там соединения разные бывают, да еще синхронизация просится, а как ее провести, я не знаю. А со смартфоном я знаком ближе. Сам сделаю.

Соединить смартфон с компьютером было делом нескольких секунд. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы найти нужный файл и перенести значок в папку с другими видеосюжетами. Закачка прошла очень быстро. Это благодаря тому, что у меня современная трубка смартфона. Да и компьютер у Юровских в кабинете, наверное, не из допотопных, судя по тому, что это моноблок.

Я проверил запись. Она была перенесена полностью. Но чтобы убедиться в этом, я смотреть сюжет при капитане юстиции не стал. Просто я вспомнил время, которое показывала трубка смартфона, когда Юровских показывал запись нам на кухне квартиры брата, и сравнил со временем, что указывала моя трубка. Время совпадало до секунды. Хорошо иметь тренированную память. Это иногда здорово выручает.

Юровских позвонил еще в какую-то службу и попросил отнести компьютер подполковника Довгополова в дежурную машину к Егорычу. Объяснил, что машина стоит внизу, а сам Егорыч или у дежурного сидит, или спит в машине. Видимо, дежурных машин было несколько и различали их по водителям. Потом, едва Юровских положил трубку, позвонили самому капитану юстиции и сообщили, что машина с понятыми приехала.

– Идем? – спросил я.

– Понятые не молоды. Их в лифте будут поднимать. Тем более им на четвертый этаж. Минут через пять пойдем. А пока... Капитан, посмотрите внимательно, и не на трубке, а на компьютере начало сюжета. Только самое начало, до момента появления бандитов в зале магазина.

Он повернул в мою сторону монитор своего компьютера, но отодвинул его так, чтобы я смотрел сбоку и чтобы ему самому тоже было видно, как бандиты врываются в торговый зал магазина. Это я понял уже со слов самого капитана юстиции.

– Ничего странного не заметили?

Я неуверенно пожал плечами. Кое-что я заметил, но говорить об этом пока не хотел. Следовало сначала понять расстановку сил, а потом что-то высказывать, тем более вслух. Я вообще не имею склонности впопыхах высказывать обвинения в чей-либо адрес. Тем более в адрес человека, которого ценит уважаемый мной офицер.

Но капитан юстиции оказался тоже не таким простым парнем, как можно было подумать. Он меня понял.

– Разговор на кухне в квартире вашего брата. Сегодня утром... После просмотра. Слова майора Саврентьева помните? О боевом хладнокровии кавказцев.

Это было как раз то, на что я и обратил внимание. Майор говорил, как хладнокровно вели себя нападавшие на подходе к магазину. Но на записи было видно их только две секунды. Как подошли к двери, разговаривая между собой, как выстрелили в затылок первому охраннику, быстро нацепили на головы заранее подготовленные в кармане маски и ворвались в торговый зал. Если при просмотре видео на маленьком мониторе смартфона можно было еще сомневаться, то монитор компьютера показал, что майор Саврентьев не мог видеть ничего того, о чем говорил. Даже на экране большого телевизора, потому что камера никак не могла захватить события, происходившие вне «поля» ее «зрения».

– Помню. Думаю, что на Саврентьева подействовал акцент высокого, который кричал во время нападения. Там кавказский акцент слышался ясно. А все остальное сработало в воображении Саврентьева автоматически. Он знает лучше многих других, что все представители кавказских народов в составе России и за ее пределами по складу своего характера отличаются удивительным хладнокровием и быстротой мышления. Я бы даже сказал, оригинальностью мышления, хотя это к делу не относится. Саврентьев воевал на Северном Кавказе. И относится к кавказцам с уважением. И я тоже. Это достойные противники.

– То, что вы предполагаете, капитан, я тоже обдумывал и оставил это как второй вариант. А первый...

– А первый? – потребовал я продолжения.

– А первый – это вывод, который сам собой напрашивается. Майор Саврентьев наблюдал за ограблением со стороны и видел то, о чем говорил. Причем наблюдал, не вмешиваясь, как свидетель. Хотя среди свидетелей он не значится. У нас есть посторонние свидетели – две бабушки, которые видели все с другой стороны улицы. И одна из них говорит, что там, на другой стороне улицы, стояла военная машина, «уазик» с солдатиком за рулем. И эта машина уехала до прибытия машины полиции. На пассажирском сиденье кто-то то ли сидел, то ли никого там не было, это бабуля говорит неуверенно.

– Вы подозреваете майора Саврентьева? – спросил я напрямую.

– Моя работа такая – всех подозревать, кто может иметь отношение к делу.

Глава третья

– Отставить, товарищ капитан! – сказал я резко.

– То есть... – не понял Юровских.

– Неужели вы всерьез можете предположить, что майор Саврентьев организовал это ограбление? Наблюдать может только организатор. Но рассудите здраво... Какой организатор нападения на ювелирный магазин будет наблюдать за происходящим из машины с водителем? Неужели майор настолько глуп, чтобы еще и солдата в свои дела вмешивать? Это не реально...

– Я не случайно сказал, что бабулька-свидетельница не уверена, был ли пассажир. Ей сослепу могло показаться и так и сяк. Точно так же, допускаю я, она могла принять офицера за рулем машины за солдата. Она так и говорила – не солдат, а солдатик. Я сегодня утром проводил повторный допрос свидетельницы. Она не уверена, что там был молодой солдат, там мог быть и офицер, но характерная особенность – он был небольшого роста. Отсюда и уменьшительное – солдатик. Крупного, высокого солдата так не назовут. А еще мы выяснили в ГИБДД, что у майора Саврентьева есть в собственности автомобиль «УАЗ». Он мог быть и на своей машине, чтобы не светиться у себя в бригаде, используя служебную машину. Это сегодня утром он взял машину в гараже, с водителем, чтобы вас встретить. Сослался на то, что своя сломана. Что-то у него там с тормозами. Я знаю, что это такое. Сам недавно возил с собой канистру с холодной водой. Как где-то остановлюсь, у меня цилиндр на правом колесе заклинивал колодки. Приходилось, перед тем как тронуться, тормозной диск водой из канистры охлаждать. После этого нормально ехал. С «уазиком» это тем более может случиться.

– Начальник штаба батальона спецназа ГРУ замешан в ограблении ювелирного магазина? – никогда не поверю...

– Хорошо. Мы останемся каждый при своем мнении. Мое мнение тоже не окончательное. Просто я обязан все версии произошедшего рассматривать. Вот я и рассматриваю.

– Тогда, согласно логике, майор Саврентьев должен был бы и сегодня, во время ограбления ломбарда быть на месте преступления. А он в это время находился вместе с нами, чай пил...

Капитан юстиции пальцами заставил свой хобот пошевелиться, шмыгнул слегка винновато, наклонил голову и сказал:

– Да, этот вариант я не рассматривал... Здесь вы, пожалуй, правы... А я в дебри забираюсь, плутаю, пытаюсь найти жизнеспособную версию... Но при отсутствии рабочего варианта приходится искать и проверять все, даже самое абсурдное...

Я согласился:

– Да, рассматривать нужно все...

– Но есть у меня и к вам вопрос, хотя я и не уверен, что вы сможете на него ответить. Каким шифратором пользовался Евгений Алексеевич в своем компьютере?

– Пользовался шифратором? – удивился я. – Я вообще не знал, что у него компьютер есть. Узнал это с ваших слов.

– Наши специалисты просмотрели содержимое жесткого диска. Около четверти сохраненной переписки там зашифровано. Среди дисков с программным обеспечением, которые нашли в ящике компьютерного стола, программы шифратора не оказалось. А шифрование при электронной переписке у нас в стране запрещено законом. Почтовые сообщения шифровать не разрешается. Внутренние файлы, даже фотографии, что идут для собственного пользования, пожалуйста, шифруйте на здоровье. А вот переписку шифровать запрещено.

– И что? – спросил я тоном упрямого ребенка, которого несправедливо обвиняют в том, к чему он отношения не имеет.

– Наши специалисты скопировали зашифрованные файлы и передали их в дешифровальный центр ФСБ. Это я сообщаю для того, чтобы потом для вас не стали неожиданностью некоторые вопросы. Не то чтобы неожиданностью, но... чтобы они не показались вам некорректными...

– Я понял.

В это время на столе Юровских зазвонил телефон внутренней связи и нас пригласили на осмотр содержимого оружейного сейфа.

* * *

Мы поднялись еще на один этаж Следственного управления. Судя по малому количеству дверей в коридоре, на этом этаже были просторные кабинеты. Но места в них, скорее всего, не хватало, если судить по тому, что в коридоре стояло множество различных предметов самого разного назначения.

Так, один из них напоминал мне катапульту для разгона беспилотного самолета-разведчика или рельсовую пусковую установку для запуска боевых ракет. У соседней двери стояла кухонная раковина-мойка из нержавеющей стали с присоединенным к ней сифоном и трубами, а рядом разместился обыкновенный самогонный аппарат, какой в наше время вполне можно купить и в Интернете, и даже в хозяйственном магазине.

Рядом с дверью в кабинет, куда повел меня капитан Юровских, ничего не стояло, что не позволило мне, любопытному от природы человеку, к тому же профессиональному военному разведчику, задать капитану юстиции вопрос о назначении этих предметов. Сам же я мог только предположить, что на четвертом этаже располагались разного рода лаборатории, где изучались вещественные доказательства по уголовным делам.

В кабинете находились пять человек. Двое молодых парней были в белых халатах, один в темно-зеленом, не таком марком, как белый. Судя по всему, это тоже был какой-то эксперт, причем старший по возрасту и, возможно, по должности, и двое пожилых людей в простой гражданской одежде.

Как я догадался, это и были понятые, что присутствовали при обыске в квартире моего брата – мужчина лет шестидесяти и примерно того же возраста, может быть, слегка моложе, женщина. Скорее всего, соседи из того же подъезда. Последний вывод я сделал на основании того, что Юровских, показывая на меня раскрытой ладонью, спросил понятых:

– Вы еще не знакомы? Это младший брат погибшего Евгения Алексеевича – Дмитрий Алексеевич. Судя по всему, квартира теперь будет принадлежать ему.

Мужчина и женщина одинаковым жестом приложили правую руку к груди и слегка наклонили головы. Правда, для этого женщине пришлось переложить тяжелый пакет из правой руки в левую.

Оружейный сейф брата стоял здесь же, на открытом пространстве посреди кабинета. Это был стандартный металлический ящик метра в полтора высоты, узкий и не глубокий. Я видел такие в оружейном магазине и у своих друзей-охотников. Содержать в таком можно было даже длинные охотничьи ружья. Они как раз помещались там в собранном виде. Бумажный листок с печатью и несколькими автографами заклеивал замочную скважину. Я вытащил связку ключей, выбрал среди них самый длинный, с двумя бородками, который, в моем понимании, и должен быть сейфовым ключом, и подал связку капитану юстиции. Юровских передал ее эксперту в зеленом халате, подтвердив тем самым его старшинство.

– Проверьте свои подписи и убедитесь в целостности печати, – предложил эксперт понятым.

Женщина из кармана даже очки достала, чтобы показать свою чрезвычайную внимательность и ответственность. Оба целостность печати безоговорочно подтвердили, после чего эксперт прорвал ключом бумажку и открыл дверцу.

Мой взгляд упал не на полку, где должен был храниться пистолет, а на нижнюю часть узкого сейфа, где пачками были уложены деньги. Я сразу заметил, что там были и пачки рублей, и пачки с долларовыми купюрами, и большие пачки с евро, и даже в отдельном целлофановом пакете свернутые трубочкой и стянутые резинкой стодолларовые купюры. Навскидку я даже предположить не мог, сколько там. Никогда не думал, что мой брат обладает такими богатствами. Ему просто неоткуда было взять такое, как я считал. Да и дом его не выглядел богатым.

– Ни хрена себе! – сказал капитан Юровских. – Вытаскиваем, считаем. Новая работка нам подвалила. Понятые, присаживайтесь и внимательно наблюдайте за счетом.

Те послушно сели.

Я же как стоял в стороне, так в стороне и остался, не соображая, что тоже должен помочь считать. Деньги вывалили на середину стола.

– Я банковскую машинку принесу – купюры считать, – сказал один из экспертов в белом халате и, не дожидаясь ответа, выскользнул за дверь.

– Вы теперь, товарищ капитан, богатый наследник, – заметил капитан юстиции.

– И подозреваемый в организации убийства брата? – с неприкрытым сарказмом в голосе спросил я. – Ради наследства. Это тоже, мне думается, версия, которую игнорировать нельзя. Хотя у меня есть стопроцентное алиби. Во время убийства я находился у себя в штабе батальона, и многие готовы подтвердить это.

– Спасибо, что подсказали, – с не меньшим сарказмом и даже ехидством парировал Юровских. – Буду думать и над этой версией тоже.

– На здоровье. Главное, чтобы думалось правильно, в нужном направлении, и верно расставлялись акценты. – Я говорил зло. – Но меня сейчас другое волнует. Откуда у Евгения столько денег. Я всегда считал, что он человек небогатый.

Принесли машинку, начали считать. Даже со счетной машинкой это заняло много времени, потому что требовалось переключать и перестраивать систему счетной машинки под разную валюту, а это, как оказалось, не самый простой процесс. Всего, когда закончили считать, оказалось ровно семнадцать с половиной миллионов рублей, миллион триста двадцать семь тысяч долларов и миллион триста двадцать тысяч евро. И все крупными купюрами.

– По сегодняшнему курсу это в целом составляет примерно сто восемьдесят шесть миллионов шестьсот двадцать тысяч рублей. Что прикажете делать с деньгами? – опуская калькулятор, который держал в руках, спросил меня капитан Юровских.

– А что вы в таких случаях с ними делаете?

– Если деньги нажиты преступным путем, они конфискуются и передаются в государственное казначейство.

Передо мной стояла проблема, которая на первый взгляд не выглядела сложной. Казалось бы, разумным и адекватным действием с моей стороны должно быть принятие такого наследства. Тем более что я, как и все, наверное, россияне, время от времени ощущал некоторые финансовые затруднения. Но меня смущал вопрос о происхождении таких громадных для меня да и для моего старшего брата сумм.

– Как нажить такие деньги отставному офицеру честным путем, я не могу себе представить. Тем не менее я пока не вижу доказательств, что они нажиты преступным путем. Что скажете, товарищ капитан? Пенсия, вместе с «боевыми» у подполковника ВДВ не такая уж и большая. Заработок в охранном предприятии тоже невелик. Вам решать...

– У нас нет даже намека на то, что подполковник в отставке Довгополов занимался каким-то преступным бизнесом. Пока доказательств нет, деньги до завершения срока вступления в

наследство⁴, я полагаю, будут храниться у нас или же должны быть переданы в банк на депозит. Там пусть и небольшие, но проценты. По сумме процент вообще получится солидный. Депозит – это не оружейный сейф. Честно говоря, я впервые с подобной ситуацией встречаюсь и не знаю порядка. Но мы все выясним и сделаем согласно букве закона, можете не сомневаться...

– Имея такие деньги, у соседей до пенсии занимать! – возмущенно фыркнула женщина из понятых.

– А у кого он занимал? – одновременно спросили мы с капитаном Юровских.

– У соседки через стенку, Лидии Александровны... На одной лестничной площадке с ним живет. Регулярно, говорит, занимал. Она женщина одинокая и бережливая. У нее небольшие суммы всегда имеются. И к Евгению Алексеевичу она настроена была благодушно. И никогда ему не отказывала в таких мелочах. Правда, он всегда отдавал вовремя, как и обещал. Этого у него не отнять. Честный был человек. А в наше время быть честным сложно. Вот и эти деньги... Разве честно такие можно заработать?!

Она сама себе противоречила, но я не стал это женщине объяснять.

У меня появилась мысль.

– Тут я вижу два вероятных пути. Первый – Евгений получил деньги сразу, большой суммой, совсем недавно. А до этого собственных средств ему не хватало. Второй – это чужие деньги. Евгений не такой человек, чтобы чужими деньгами затыкать свои дыры. Но это мое частное мнение. Дело следствия решать, откуда эти деньги...

Я посмотрел на Юровских, словно он мог прямо сейчас, не сходя с места, объяснить мне и окружающим происхождение немыслимой для меня суммы. Но капитан юстиции находился, как я видел, в некоторой растерянности, получив вместо одного расследования сразу несколько, и только неуверенно пожал плечами, демонстрируя собственное бессилие перед таким неожиданным поворотом событий. Но, к собственному удовлетворению, я отметил, что никак не стремлюсь стать обладателем этих немыслимых денег. Я даже мысленно не стал прикидывать, какую марку машины могу приобрести для собственных нужд и какую квартиру могу купить своей семье в большом городе. То есть я не был готов считать эти деньги своими. И одновременно высказал предположение:

– Может быть, из-за этих денег его и убили?

– Об этом стоит подумать, – согласился капитан юстиции. – Мы подумаем, а вы пока решайте, как таким наследством распоряжаться. И кто еще из наследников может объявиться, когда всплывет такая сумма. Это тоже вопрос важный.

А тут и думать нечего. Я был единственным наследником. Что касается сына Евгения, то он, с тех пор как был усыновлен другим человеком, которого считал уже своим отцом, потерял право на наследство. Других наследников у брата, насколько я знаю, не было.

Мне не дано было знать, по какому руслу текут мысли капитана юстиции следователя Юровских, но у меня сразу возникла в голове невнятная связь между этими деньгами и зашифрованными данными в компьютере брата. Собственные данные, как я слышал, только слышал, но не был в этом абсолютно точно уверен, зашифровывать никто не запрещает. Нет вроде бы такого закона. Но вот электронную переписку, и тоже как я слышал, но не знаю точно, кажется, шифровать запрещается. И в этом следователь прав. Это делается, как я понимал, в целях контроля за перепиской. Официально для пресечения переписки террористической направленности и сохранения государственной и военной тайны. То есть чтобы лишить разного рода иностранных шпионов возможности отправлять данные за границу.

⁴ Даже если существует завешание, наследники согласно закону вступают в наследство только по истечении полугода. Делается это на случай внезапного объявления дополнительных наследников, которые имеют право опротестовать даже завешание.

На всех серьезных почтовых серверах установлены контролирующие приборы, выборочно ищущие отдельные слова, перечень которых определен некоторым конкретным положением. Нам, простым смертным, не дано заглядывать в этот перечень. Я, конечно, могу подозревать, что помимо определенных слов, которые могут развивать тему терроризма, там есть и слова с политическим смыслом. То есть так контролируется оппозиция в государстве.

Но это не привилегия России. Это осуществляется в каждом развитом государстве мира. И чтобы осуществлять контроль, принят, видимо, закон о запрете шифрованной переписки.

Но брат шифрованной перепиской пользовался, и его за это к ответственности не привлекли. Я не знаю, как часто он ею пользовался и с какими адресатами общался. Здесь «правит бал» его величество Случай. Пройдет переписка незамеченной или не пройдет. У Евгения пока проходила. Что это была за переписка, мне знать было не дано. Но крупные денежные суммы в моей голове как-то сами собой связались именно с шифрованной перепиской.

У меня даже появилась в голове мысль задать по этому поводу вопрос капитану Юровских. Но ему не вовремя позвонили. Капитан вышел в коридор, желая разговаривать без свидетелей. Правда, вернулся уже через минуту, чтобы отдать распоряжение экспертам:

– Вы тут заканчивайте без меня, составьте протокол, укажите все, что необходимо, я, как вернусь, все подпишу. Я на выезд...

– Что-то срочное? – недовольно спросил старший эксперт в темно-зеленом халате. – Невозможно на выезд кого-то другого отправить?

Он, видимо, в отличие от меня, хорошо знал, что такое «выезд» в Следственном комитете. Для меня понятие «выезд» звучит равноценно армейскому объявлению тревоги, когда подразделение вместе с командиром выезжает или, чаще, вылетает на место боевого действия. Там командира заменить теоретически было возможно, но нежелательно. Возможно, так же обстояло дело и здесь...

– В моих интересах. Поскольку именно я текущее дело веду. А это – очень даже похоже на продолжение.

Юровских посмотрел на меня и, смилостивившись, объяснил:

– Реальный хоррор продолжается. Хотя не могу точно сказать, это хоррор или террор. В нашей современной действительности эти понятия стали взаимозаменяемыми. Опять те же, по всей вероятности, трое. Опять черный внедорожник. Снова нападение на ювелирный салон. Опять убит охранник. Причем точно так же, как Евгений Алексеевич, уже когда ограбление было завершено. Охранника застрелили перед тем, как выйти. И опять высокий человек с кавказским акцентом.

– Кавказский акцент может использовать любой человек, если желает отвести от себя подозрение, – заявил я. – У меня есть большие сомнения в том, что это были кавказцы. Большинство из них – верующие мусульмане. А сейчас идет месяц Рамадан. Мусульманам положено совершать добрые дела и поступки.

– А банды на Северном Кавказе? Они Рамадан чтут? – неожиданно спросил меня мужчина из понятых.

– Банды – это особый разговор. Исламисты утверждают, что они совершают дела, угодные Аллаху, и этим себя оправдывают. И потому ученые имамы-богословы отвергают исламизм, говорят, что он перечит основам ислама.

– А кто вам вообще сказал, что бандиты с Кавказа – верующие люди? Бандиты – они и в Африке бандиты, – возразил капитан Юровских. – Им нет дела ни до поста, ни до чего-то другого. Психологию бандитов я знаю лучше вас, товарищ капитан. И потому не вижу смысла в продолжении спора на эту тему. Тем более я спешу.

* * *

Капитан Юровских уехал. Его торопливые шаги стихли в коридоре, удалившись в сторону лестницы. Наверное, хотел еще в свой кабинет этажом ниже забежать и что-то с собой взять.

Я заглянул в сейф и стал искать взглядом не завалившуюся пачку денег, а наградной пистолет брата. Там, где я думал его обнаружить, пистолета не оказалось. Каждый подобный сейф имеет еще и внутреннее отделение, маленькое, где полагается хранить патроны. Само маленькое отделение используется обычно как полочка, где пистолет и хранится. Такое хранение оружия я видел у нескольких знакомых мне людей, имеющих наградное оружие.

Маленькое отделение снабжено собственным замком, внутри имеются две полки, на одну из которых можно положить пистолет. Ключ от этого отделения тоже был на связке.

Поскольку старший эксперт, открывая сейф, всю связку оставил в замке, я нашел маленький ключ и открыл малое отделение. И нашел там только запасную обойму от пистолета Макарова, но без патронов. самого пистолета не было, как не было и запаса патронов. Но запас патронов обычно держат у себя офицеры спецназа. У отставного десантника, каким был мой брат, запаса могло и не быть. Все-таки воздушно-десантные войска не так часто принимают участие в боевых операциях в мирное время.

– А где пистолет? – спросил меня старший эксперт.

Я на это мог только одно ответить:

– Это вы меня спрашиваете? Я хотел то же самое спросить у вас. Думаю, на ваш ответ я мог бы рассчитывать с тем же успехом, что и вы на мой.

– Значит, пистолет пропал, – констатировал эксперт в белом халате. – То есть будем писать еще один акт?

– Где служил ваш брат? – спросил меня старший эксперт.

Он, видимо, нервничал и хмурился. И вообще, нервное состояние было заметно по тому, как он теребил пуговицу на своем темно-зеленом халате. Мне было понятно состояние старшего эксперта. Сейф какое-то время находился в этом кабинете, вероятно, без охраны. Помещение, возможно, даже собственной системы сигнализации не имеет. И я, к примеру, мог бы предъявить обвинения в том, что сейф надлежащим образом не охранялся, что могло бы доставить старшему эксперту серьезные неприятности.

Но я своими глазами видел, что печать на замочной скважине была целой, без следов срезания и без повреждений. Хотя специалист при необходимости в состоянии и печать подделать, и подписи понятых «нарисовать» так, что они свою подпись не отличат. Найти такого специалиста у старшего эксперта возможность была.

Целыми были и стенки оружейного сейфа. Но пистолета там не оказалось. При этом сложно было предположить, что вор взял только пистолет, но не позарился на деньги. Хотя это вопрос тоже открытый. Денег могло быть и вдвое, и втрое больше. Вор взял столько, сколько мог вынести, не привлекая к себе постороннего внимания. И эксперт это тоже понимал и потому нервничал, ожидая, что ему предъявят обвинения.

– В семьдесят шестой Псковской десантно-штурмовой дивизии, – ответил я.

– Подготовим запрос. Все наградное оружие в обязательном порядке подлежит идентификации в органах МВД. Если человека наградили пистолетом, перед этим пистолет был исследован в баллистической и трасологической лабораториях, и его характерные признаки занесены в каталог учета боевого оружия областного МВД. Точно так же учитывается оружие всех полицейских страны. На каждый ствол есть своя карточка учета. Только в армии у нас такого нет, к сожалению...

– К сожалению, у вас в картотеке нет бандитских стволов, – парировал я нападки на армию. Армии, в частности спецназу ГРУ, есть чем заняться и без этой регистрации. А вообще, провести такую массовую регистрацию, мне кажется, практически не реально. На это понадобится уйма денег и времени. А с переходом армии по призыву на годичный срок службы, например в спецназе ГРУ, вообще каждая минута на счету.

Так, я ухожу из дома обычно в пять утра, если не раньше, чтобы вернуться только в одиннадцать вечера. И весь мой рабочий день до предела насыщен. И все равно полностью обучить бойцов мы никак не успеваем. Не успеваем подготовить полноценных воинов, каждый из которых, по идее, должен стать в сложной обстановке самостоятельной и опасной боевой единицей. А тут еще появляется у некоторых желание отнять у нас уйму времени и начать регистрировать каждый пистолетный и автоматный ствол.

И потому свое возмущение я посчитал естественным, хотя эксперт его не понял и встретил мои слова удивленным взглядом.

– Мне кажется, трасологический отдел уже делал какой-то запрос в Псковское управление, – заметил второй эксперт в белом халате.

– Позвони им, спроси... – потребовал старший эксперт.

Второй эксперт позвонил. И сообщил старшему:

– Да, по поводу нашего пистолета и запрашивали. Там есть какие-то интересные данные. Мне не говорят. Сказали только, что все результаты переправили на компьютер к капитану Юровских. Как приедет, если посчитает нужным, нам сообщит.

– Трасологи любят делать тайну из всего, – проворчал недовольный старший эксперт. – Сам сейф отнесите сейчас в дежурную машину. Она стоит внизу. Поедете с капитаном Довгополовым и занесете в квартиру и сейф, и компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.